

Став в Нью-Йорке исполнительным директором «Нового русского слова», автор наиболее известных у нас детективных романов, написанных в соавторстве с братом, продолжает работать в прежнем жанре. Но теперь это не советский детектив, а американско-эсэньгэвский.

— Георгий Александрович, общезвестно, что одни на Америке женятся, другие туда эмигрируют, третьи уезжают в длительную командировку. А в каком статусе вот уже два года пребываете там вы?

— Я неискренне российский гражданин как по своему мировоззрению, так и по юридическому статусу и осваиваю одну из новых возможностей, предоставленных нашим людям вообще, а художникам в частности: работаю по контракту. Приехав на некоторое время в Соединенные Штаты по своим киноделам, я получил предложение от газетно-издательской корпорации «Новое русское слово» занять пост ее исполнительного директора. Я бы очень хотел сделать с помощью газеты существующие в России проблемы головной болью достаточно благополучных русских американцев.

Жизнь в России, в республиках СНГ — только часть тем, которые отражает наше издание. Но процессы, происходящие сейчас в стране, слишком серьезные и важны, чтобы мы могли полагаться лишь на сведения, которые дают зарубежные телеграфные агентства (а также ИТАР ТАСС) и работающие в Москве иностранные корреспонденты. Есть такая поговорка: не надо быть курицей, чтобы понять, что она испытывает в кастрюле, когда из нее готовят бульон. Но я думаю, что чувства курицы может передать только тот, кого в этой кастрюле варят. И поэтому мы хотим организовать здесь бюро «Нового русского слова», которое бы информировало американского, канадского, ирландского, германского жителя русского происхождения — я имею в виду не этнически, а культурно — о событиях в стране устнами отечественных журналистов, публицистов, социологов, ученых.

«Новое русское слово» — это, наверное, самая старая в мире русская газета: она выходит с 1910 года (на два года старше «Правды»). Она никогда не имела спонсоров, не получала грантов и субсидий, не заигрывала с коммунистами, не меняла своего курса, оставаясь независимой. Вероятно, это привлекало на ее страницы таких авторов, как Сахаров, Бродский, Аксенов, Войнович, Максимов...

— Редакция придерживается каких-либо взглядов?

— Поскольку многие наши читатели принадлежат еще к первой волне эмиграции, они не воспринимают нынешней исключительной раскованности слова (кстати, столь свойственной сегодня российским изданиям), и мы стараемся их не «травмировать».

— Поговаривают, что нью-йоркская эмигрантская мафия заткнула за пояс местную. Намерены ли вы писать криминальный роман об этом дивном явлении или оно столь устрашающе, что пока не решается?

— Если уж на то пошло, никакой эмигрантской мафии не существует. «Мафия» — это когда организованная преступность проникает во властные структуры. Верх проникновения нью-йоркской «мафии» с Брайтон-Бич или лихих ребят из Нью-Джерси — это коррумпированный полицейский или нанятый ими адвокат. В свое время широкий резонанс получило так называемое «бензиновое дело», которым много лет занимается огромная бригада следовате-

телей и оперативных работников, считающаяся восьмьюсот человек. Суть его в том, что наши бывшие соотечественники продавали через собственные бензоколонки похищенный или нелегально приобретенный бензин, не платя налогов (это является одним из тяжчайших преступлений против американской государственности), и создали тем самым на американской почве наш родной институт «левака». Большая группа уже осуждена, но потрепанная американскими правоохранительными органами преступность сейчас обретает второе дыхание, блокируясь с эсэньгэвскими криминальными структурами, получая отсюда гигантскую финансовую и организационную подпитку, необходимых исполнителей и специалистов криминальных дел.

— Итак, будете писать?

— Да. Собственно, уже написал об этом большую часть нового романа.

— А как вам удаётся сотрудничать с братом, находясь по разные стороны океана? Вы делите сюжет на куски или один пишет действие, а второй — диалог?

— Мы всегда писали по кускам. За эти два года Аркадий дважды был у меня, а я здесь, так что мы кое-что успели.

— Прежде вы часто использовали реальные сюжеты уголовных расследований. Я не удивлюсь, если окажется, что эти истории вы «покупали» у представителей правоохранительных органов — вероятно, не за деньги, а на каких-то взаимовыгодных условиях.

— Почти все наши романы написаны в жанре милицкого детектива. У нас не было необходимости «покупать» их сюжеты хотя бы потому, что Аркадий проработал пятнадцать лет старшим следователем на Петровке, 38, получая за это огромную зарплату в размере 160 рублей. Я тоже юрист по образованию и имею широкий круг знакомств в диапазоне от «полицейских» до «воров». Могу попользоваться Библией, что ни разу не пользовался материалами архивов — ни судебных, ни следственных.

— В таком случае получается, что детективщиками могут стать лишь выходцы из среды юристов или преступников. Посторонним вход воспрещен?

— Ничего подобного. Полагаю, что Агата Кристи никогда в жизни не заходила в полицейский участок.

— А существует ли по-прежнему пресс-бюро МВД, которое имело право визировать все произведения, где действуют работники правоохранительных органов, и, соответственно, этого не делать, если означенные труженики изображены недостаточно позитивно?

— Я думаю, что если оно и функционирует, то только абсолютный баран пойдет туда за визой, потому что непонятно, кому эту визу предъявлять. Слава Господу Богу, цензура ликвидирована.

Кстати, вам известно, что при Сталине детективы были практически запрещены как жанр? Отец народов как-то изволил выразить неудовольствие... Был такой писатель Лев Овалов, автор одноименного романа «Медная пуговица». Он писал про шлюнов и контрразведчиков и, если не ошибаюсь, получил восемь лет за разглашение методов работы органов госбезопасности, сколько ни доказывал, что никакие методы не знает и все придумал. После этой истории было решено, что народу вообще не нужна подобная литература, и она существо-

вала в убудочном состоянии: в виде «Рассказов следователя» Шейнина. Ренессанс наступил в 55-м или 56-м году, когда в «Юности» опубликовали роман Адамова «Дело пестрых». Так вот, эта самая пресс-служба МВД в брежневские годы действовала в качестве второй, и главной, цензуры: без ее печати цензура издательская и журнальная рукописи не принимала.

— В двух последних опубликованных романах «Евангелие от палача» и «Петля и камень» вы обратились не к чистому детективу, а к жанру романа нравов (нравов криминально-нагэбэшных) и использовали историческую основу: дело врачей и убийство Михоэлса. Почему? Ведь есть масса неотработанных тем сегодняшнего дня.

— Оба этих романа мы закончили очень давно: первый — в 79-м, второй — в 84-м году. Меньше всего мне бы хотелось перед вами сейчас гарцевать, прикидываясь диссидентом — я им никогда не был. Я и мой брат всегда хотели писать книги, и только. Когда мы закончили эти романы, то на издание не надеялись. Сейчас появилось множество «ретро-проороков», которые утверждают, что точно знали чуть ли не дату крушения советской коммунистической системы, я же был уверен, что она меня переживет. Кстати говоря, я часто спорю с многочисленными оппонентами, выражая свое бесконечное уважение к Горбачеву. Мне объясняют, что крушение советского тоталитаризма — результат объективно-исторических причин, и Горбачев был просто инструментом исторического прогресса, но я убежден, что без него ничего бы не произошло. Надо сказать, когда в свое время, после смерти секретаря ЦК по сельскому хозяйству Кулакова, обсуждался вопрос, кого взять в Москву на его место — Горбачева или первого секретаря Краснодарского крайкома Медунова, взяли Горбачева. Советская система была гениально сконструирована, и только капитан этой машины мог ее взорвать, что он и сделал. Вот в этом его историческая заслуга. А что касается вопроса, почему мы не пишем о нынешних делах, могу сказать, что, издав эти романы, мы затронули два по сей день не покаранных чудовищных преступления. До тех пор, пока не будет общественных слушаний и юридического пересмотра этих дел, нельзя считать, что демократия победила в полной мере.

— Герой «Евангелия от палача», от лица которого ведется повествование, — профессиональный «людобой» и «профессор бесправия» Хваткин при всей своей мерзости время от времени высказывает презанятые соображения: например, утверждает, что большинство населения не хочет правды и не úplně молчаливо вопрошателей ее искать: «Они не хотят обзавестись смердящим гноем и ужасом мясные помой». Писатель Вайнер думает иначе?

— К сожалению, мы с вами ежедневно наблюдаем, как множество людей упря-

мо повторяет: «Ленин святой. Сталин был замечательным. Никаких преступлений не было. Мы об этом знать ничего не хотим. Это все издержки социального эксперимента». То есть, действительно, огромное число обывателей — если подражать под этим термином публику с ограниченным филлистерским сознанием — не хотят правды, им не нужна подлинная история: все было хорошо или даже не очень хорошо, но это было «наше».

— Однако не приходило ли вам в голову, что у обычного человека может просто срабатывать инстинкт самосохранения от бесконечного нагромождения правдивых ужасов, заставляющих его утратить способность к сопереживанию. Быть может, «перекармливать» правдой тоже нельзя?

— Что значит «перекармливать»? У журналистов, у репортеров работа, как у дворников: сколько снега выпало — столько убирай. Прикажете вводить самоцензуру?

В самом деле, люди сейчас находятся в состоянии, близком к отчаянию: поэтапно их лишили духовной части существования. Сначала — религиозного воспитания, заменив его новой религией — коммунистическим сознанием — и «внушив, что лучший путь в коммунистический рай — это мучничество. Теперь же им, столько перестрадавшим, говорят, что коммунизма нет и быть не может, надо строить капитализм. Но драма капитализма состоит в том, что, являясь самой совершенной системой хозяйственно-экономических отношений, он тем не менее не вызывает романтического пафоса. Коммунизм, как всякая богоборческая идея, вызывал, а слагать сладостные революционные гимны в пользу обилия колбасы невозможно. В этом смысле капитализм духовно импотентен. Неудивительно, что люди овладевает уныние, потому что они осознают, что жизнь была прожита зря. От этого — «да пропадите вы все пропадом — как будет, так и будет!». От этого — и огромные потери престижа демократов в общественном сознании.

Происходящая сегодня историческая драма усугубляется еще и тем, что в нашей стране исчезли мужики. Ныне пожившая система подвергла геноциду массу национальностей, классов, политических структур, людей и партий. Но высшее ее «достижение» — это уничтожение целого пола: в условиях тотальной несвободы именно мужчины понесли самые большие морально-нравственные потери. Они проживали крайне бедную, зависимую, нетворческую, не-праздничную и небогатую жизнь и, кроме вторичных половых признаков, утратили все, что образует не медико-анатомический, а социальный тип мужчины, на котором стоит род, держится дом, лежит ответственность за выращивание смены. Большевики погубили крестьян-

Георгий Вайнер:

Агата Кристи в полицию не обращалась...

во, а вместе с ним — и эти «нематериальные» ценности. Взамен же предъявили обществу пролетариат в качестве самого передового прогрессивного класса, когда на деле — это люмпенизированная часть населения, лишенная самосознания и привязанности к своему имуществу: не к магнитофону «Десна» — к Дому...

— Ваш персонаж утверждает, будто равенство, братство и свобода — три вещи несомнительные. Если это так, то какой из упомянутых идеалов предпочли бы вы?

— Свобода — вещь очень условная, ведь мир Божий — в человеческой душе, а не вовне. Внутренне несвободному человеку безграничная свобода не нужна: он не умеет ею пользоваться. В то же время я знаю людей, которые и в тюрьме чувствовали себя свободными. Равенство и свобода действительно несовместимы: неравенство мгновенно настигает соискателей успеха даже при наличии равных стартовых условий. Словом, вся моя надежда — на братство, на сердечные отношения людей. Должны же они наконец понять, что невозможно все сожрать или все купить? Я как-то подсчитал: оказывается, человеческая жизнь — 70 лет — это всего-навсего примерно двадцать тысяч дней. И раз так, то человек должен каждый день совершать празднество — празднество жизни, работы, любви, развлечений...

— Я понимаю, что взрывоопасность некоторых суждений Хваткина снимается тем фантомом, что их произносит мерзавец, антисемит и профессиональный убийца. Но вполне могу понять и вероятно возмущение читателя, который оскорбится следующим пассажем (из чьих бы уст он ни звучал): «Тяжело верить. Потому что все они не восприняли наш исторический опыт. Мы ведь наполюнину татарам и выжили, поскольку наши пращурьи-мужики соображали: захватчику надо отдать свою бабу, другого выхода нет. Отсюда, может, наша жизнеспособная сила рабов, вражьи выб.днов». Вы что, нарочно «профессиональные патриоты» дразните или полагаете, что художнику все позволено?

— Конечно, это не моя точка зрения. Мне кажется, что русский народ, как народ пластический, впитавший в себя чрезвычайно много этнических наслоений, очень неоднороден по своим мировоззренческим установкам. И если говорить о крайних, извращенных формах национального самосознания, то, кроме «патриотов», твердящих, что русский народ — богоносец, существует и мазохистская ветвь, смакующая тему «мы — народ-дурак, нам нужен хозяин, мы дикае, мы без немцев и без варягов ничего не можем». Это как раз то самуничужение, что паче гордости, причем подобное сознание не является полярным «патриотическому»: «мазохисты» с «патриотами» смыкаются в кольцо. В романе же я надеялся создать ощущение, что, когда Хваткин, обладавший некогда самой большой и страшной вла-

стью — властью над человеческими жизнями, — говорит «мы», то на самом деле с народом себя не отождествляет. «Мы» — означает «вы»: «вы — рабы, я же — сверхчеловек».

— Как вы расцениваете ту переменную, которая произошла в социальном статусе писателя буквально у нас на глазах?

— До недавнего времени титул «член Союза писателей» был, пожалуй, сродни генеральскому. Но произошла весьма прискорбная штука: писатели оказались одной из наиболее пострадавших социальных групп. Казалось, жизнь большинства из них была прописана совершенно ясно до самой смерти, потому что настоящий «писатель в законе» обладал очень прочным общественным положением, располагал хорошей государственной или кооперативной квартирой, дачей, машиной, имел тысяч пятьдесят сбережений, которые придавали ему чувство династической надежности — совсем недавно это были очень большие деньги, которые он предполагал оставить детям и внукам. Теперь же пятьдесят тысяч превратились в мусор.

Я как-то выступал на вечеру нью-йоркских писателей, и меня поразило, что две трети из них — женщины. (Кстати, в Америке сорок тысяч писателей, а среднестатистический их литературный заработок — всего лишь 760 долларов в год. Если учесть, что Том Клэпси своими бестселлерами ежегодно зарабатывает около двух миллионов, а 760 — это среднее арифметическое, то нетрудно представить, какие ничтожные гонорары у большинства.) И когда я спросил, почему так много дам, мне объяснили, что богатые мужья и отцы могут им позволить заниматься любимым делом. Боюсь, наших писателей ожидает вскоре аналогичная перспектива.

— Я слышала, что недавно вы ездили в Грузию. Встречались ли вы с господином Шеварднадзе, и если да, то — ноль не секрет — о чем беседовали?

— Я действительно дважды встретился с Эдуардом Амвросиевичем, который был прекрасен, как всегда, но чрезвычайно печален. Он производил впечатление пожилого грузинского Гамлета. С большим энтузиазмом я принял предложение сделать все зависящее от меня для — есть такое слово «development» — «продвижения» его Фонда демократии и возрождения Грузии, и хочу предпринять различного рода усилия по привлечению общественного интереса к ситуации в этой республике и презентации Фонда в Нью-Йорке.

— На одной из ваших книжек значится, что часть гонорара пойдет на благотворительные цели. Вы интересуетесь тем, кому эти деньги направлены?

— Мы с братом перевели сто тысяч рублей в интернет для детей-сирот с отклонениями в умственном развитии.

— Георгий Александрович, насколько мне известно, вы навалер ордена «Знак Почета». Представили ли вам счастливейший случай надеть эту награду?

— Представился. Немедленно по вручении: 15 марта 1988 года в Кремле, когда я получил ее из рук ушедшего вскоре в небытие первого вице-президента Петра Ниловича Демичева. Других поводов не последовало.

Иногда хвастаю этой игрушкой перед американскими коллегами. Но они не верят, что у нас писателей награждают орденами. Один даже, зная, что я пишу детективы, поинтересовался, уж не шпиона ли я выловил. По его сведению, ни один американский писатель, за исключением участников вьетнамской войны, орденов не получал. У них в литературной среде почему-то практикуются другие формы поощрения.